

Михаил Иосифович Веллер
Океан

Серия «Легенды Невского проспекта»
Серия «1. Саги о героях», книга 4

Текст предоставлен издательством «АСТ»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=120161

*Михаил Веллер Легенды Невского проспекта: АСТ, АСТ Москва,
Харвест; Москва; 2008*

ISBN 978-5-17-050459-6, 978-5-9713-7365-0, 978-985-16-4184-6

Содержание

Михаил Веллер	4
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Михаил Веллер

Океан

Как начинал другую повесть, о другом герое, другой ленинградский писатель, некогда гусар Империалистической войны и поэт: «Это был маленький еврейский мальчик». Да... Ну так мы о другом мальчике. Он жил в Ленинграде, чисто мыл шею и ходил со скрипочкой в музыкальную школу. Его, естественно, били; и он мечтал вырасти большой и дать всем сдачи.

Потом была Блокада, и мальчик едва жив остался, голодный и дохленький. Ладно дядя не забывал. А дядей его был военно-морской журналист и известный флотский драматург Александр Штейн. Он им помогал, поддерживал, и идеалом мальчика стал военный моряк. Дядя приезжал с друзьями, в черных шинелях, в блестящих фуражках, с умопомрачительными вкусными вещами из флотского пайка – люди высшего мира! Мальчику завидовали во дворе, временно переставали бить, а наоборот – спрашивали: верно ли это его родной дядя. Такое родство его необычайно возвышало в глазах самых страшных хулиганов: морские офицеры, орденоносцы, фронтовики – герои!

Естественно, флотский офицер выглядел в его глазах венцом эволюции. Он понял свое призвание и начал готовить-

ся к военно-морской карьере. Принялся читать книжки про корабли и сражения, делать по утрам зарядку, и летом учился плавать на Неве. Последнее, правда, ему плохо удавалось по причине крайней хилости интеллигентского организма. Согласитесь сами – а интересно представить себе еврейского скрипача в качестве бравого военно-морского командира.

Дядя сажал его на колени, угощал сгущенкой и пайковым шоколадом, и спрашивал:

– Ну, вырастешь – кем будешь?

И мальчик, жуя шоколад и восторженно глядя на ордена, исправно отвечал:

– Военным моряком!

Что приводило в восторг дядиных сослуживцев и являлось поводом налить еще по одной.

И, кончив школу и отпиливав на выпускном балу, он решительно зашвырнул на шкаф проклятую скрипочку и объявил, что поступает в военно-морское училище. В доме наступил ужас и большой бенц. Но мальчик проявил библейское упрямство, и все доводы о неинтеллигентности военной профессии от него отскакивали, как ноты от полена. Родители дали телефонный сеанс дяде: это он заморочил голову мальчику своими жлобами в черных шинелях!.. Но дядя за годы сотрудничества с флотом проникся военно-морским духом: загрохотал, одобрил, успокоил, и сказал, что все прекрасно, там из их хилого сына сделают настоящего мужчину, пусть выпьют валерьянки и радуются! а на скрипочке он

сможет играть во флотской самодеятельности, чего ж лучше!

Ну, в первое училище Союза – имени Фрунзе, бывший Императорский морской кадетский корпус, ему не светило: там готовили чистокровных командиров, строевиков-судоводов, флотскую аристократию, и еврею там ловить было нечего. Тем более на дворе стоял пятидесятый год – не климат пятой графе. Имени Дзержинского тоже не шибко подходило – блеску много. Но Высшее военно-морское радиотехническое имени Попова (изобретшего в девятьсот пятом году то радио, по которому в девятьсот четвертом броненосцы в Цусиме переговаривались) тоже было ничем не хуже. Это черное сукно формы, это золото шевронов, эти тельники в вырезе голландок – дивное училище. Тем более что радио – это нечто вполне научное и интеллектуальное, тут мало кулаком и глоткой брать, еще и головой соображать надо: и мальчик решил, что это – самое для него подходящее, прекрасное военно-морское училище.

Он подал документы, и их у него в приемной комиссии неохотно взяли, с непониманием и жалостью глядя, и переспрашивали, туда ли он пришел? И ласково советовали поступать в Институт связи или в Университет, или в крайнем случае играть на своей скрипочке в консерватории. И вообще интересовались, кто это у них в роду был моряком, а если да, то в каких именно морях плавал: с чего это мальчику пришла в голову такая странная, знаете ли, мысль?..

Но мальчик убежденно объяснял, что он с детства гото-

вил себя к морской карьере, отличный гимнаст, замечательно плавает, и они зря сомневаются. А дядя его – морской офицер и любимец флота, журналист и драматург Александр Штейн.

При этом известии комиссия переглянулась сочувственно, и морского племянника направили сдавать экзамены.

Ну – вот такой был юный еврейский романтик моря, которому дядя, совершающий морские геройства в своем уютном книжном кабинете за письменным столом, загадил мозги. Мальчик читал Киплинга: «Былые походы, простреленный флаг, и сам я – отважный и юный!» Он уже стоял на мостике, корабль пенил море, пушки громили огнем врага, и белокурая невеста на берегу заламывала тонкие руки.

Он благополучно сдал экзамены и был вселен в казарму.

Совсем не о казарме мечтал он, когда его в детстве били. Настала суровая проза флотских будней. Романтику в ней не удалось бы найти и саперу с миноискателем и собакой, только флотскому любимцу-журналисту. Дрючили курсачей в хвост и в гриву, царил культ грубой физической силы, по ночам его за разные интеллигентские упущения гоняли драить галюн, и до прискорбного не наблюдалось военно-морского благородства и подвигов.

Но он вздыхал, сжимал зубы, крепился, говорил себе и окружающим, что адмирал Нельсон тоже был хилого сложения и здоровья и не переносил качки, вечно командовал с брезентовым ведром на мостике; его выслушивали

с интересом, а потом давали по шее и гнали драить палубу шваброй – чтоб понял службу и много о себе не воображал. Это тебе не на скрипочке играть.

Ему вечно хотелось спать, хотелось есть, от тупых разговоров в роте о бабах и деньгах он изнывал; в город в увольнения его за недостаток военной бравости выпускали очень редко, и он через пару лет стал сурово задумываться, что, может быть, и в самом деле избрал не ту карьеру. Тем более что все окружающие его в этом усердно уверяли. Но, знаете, уже самолюбие не позволяло дать задний ход.

На четвертом курсе самолюбие поуменело и стало сговорчивее. Набив мозоли шваброй и турником, ободрав ногти за плетением матов, нажив гайморит вечными простудами в бассейне и радикулит за шлюпочной греблей, он утомился. Осознав это, он известил училищное начальство о своей утомленности и разочарованности: решил расстаться с военной-морской службой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.